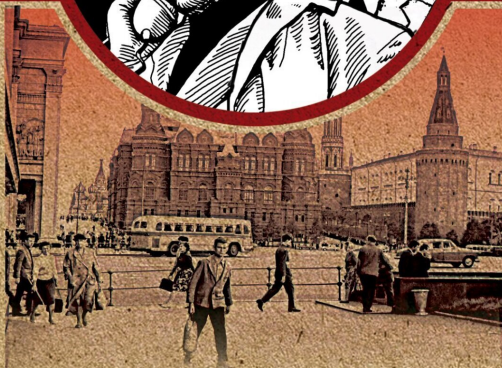
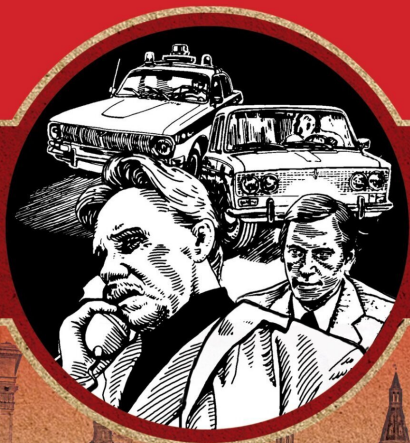

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ОГАРЕВА, 6

Юлиан Семенович Семенов
Огарева, 6
Серия «Золотая эра
отечественного детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68300237
Огарева, 6: Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-175517-1

Аннотация

Популярный роман признанного мастера остросюжетного жанра. Юлиан Семенов – всемирно известный журналист-международник, писатель и сценарист. Его книги – правдивые детективные истории с увлекательной интригой и реальными персонажами.

В романе встречаются уже знакомые по первому произведению о буднях МУРа «Петровка 38» сыщики Садчиков и Костенко. Им предстоит расследовать и раскрыть крупные хищения социалистической собственности на Пятигорской ювелирной фабрике и убийства в трёх разных регионах Советского Союза.

Сотрудники МУРа полковник Алексей Садчиков и майор Владислав Костенко расследуют дерзкие разбойные нападения на сберкассы, совершаемые группой преступников. Сыщики разрабатывают самые хитроумные планы захвата, но злодеям

все время удается уйти. Так продолжается до тех пор, пока оперативники не задерживают подростка Леньку, случайно оказавшегося в числе налетчиков и знающего, где скрывается банда...

Содержание

Утро полковника Костенко	6
1	6
2	15
3	19
День делового человека	23
Вечер интеллигентного бандита	31
Фактор времени	40
1	40
2	42
3	47
4	49
5	52
6	56
7	60
8	64
Человек, изучивший кодекс	66
1	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлиан Семенович Семенов

Огарева, 6

© Семенов Ю.С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Утро полковника Костенко

1

Гражданская панихида была в конференц-зале «Мосфильма». Левон лежал в гробу – маленький и желтый, с припудренным лицом, совсем не похожий на себя. Костенко, вглядываясь в его холодное лицо, вспомнил, как Левон лет пять назад сказал: «Славик, я отдам концы в сорок». Костенко тогда смеялся над ним, и Левон тоже смеялся, но не от того, что Костенко вышучивал его, а просто чтобы поддержать компанию.

«Смейся, смейся, дуралей, – говорил Левон, – ты живешь своими вещдоками, а я – чувством. Я вот смотрю тебе в глаза и чувствую, что ты думаешь, но выразить этого не умею. Умел бы, стал гениальным режиссером... Поверь, дорогой, мне: в сорок я сыграю в ящик...»

Два года назад, во время съемок, у него заболело в паху. Врач, осмотрев его, сказал, что надо ехать в онкологический институт. Изрезанный и облученный, Левон продолжал работу: его привозили на съемочную площадку, и он репетировал с актерами, полулежа в кресле на колесиках, и два раза в день медсестра впрыскивала ему наркотики, чтобы убить боль. Потом, правда, начался странный процесс ремиссии,

и Левон неожиданно для всех стал прежним Левоном, каким Костенко знал его со студенческих лет, когда они вместе учились на юридическом факультете, ездили танцевать в «Спорт», устраивали шумные «процессы» в молодежном клубе, который помещался в церкви на Бакунинской, и сражались в баскетбол с Институтом востоковедения в спортивном зале «Крылышек». Левон был душой Москвы тех лет: его знали и любили люди разных возрастов и профессий – грузчики, писатели, кондукторы трамваев, жокеи, актеры, профессора, летчики: он обладал великолепным даром влюблять в себя сразу и навсегда.

Когда Левон почувствовал, что ремиссия кончается, постоянная слабость делает тело чужим, и что большая, осторожная боль снова заворочалась в печени, он отказался лечь в больницу, попросил после смерти его кремировать («Нечего вам возиться со мной, теперь места на кладбище дефицитны») и еще попросил накрахмалить полотняную рубаху с большим воротником и синим вензелем ООН на правой стороне, которую Кёс привез ему в подарок из Стокгольма. Он так и умер: рано утром проснулся, попросил Кёса и Гришу надеть на него полотняную рубаху с большим, модным в этом сезоне воротником, посмотрел на свои руки и сказал: «Какие стали тонкие, как спички, позор экий, а?» Потом ему помогли перейти в кресло – к окну. Он посмотрел на свою тихую улицу, вздохнул и сказал:

– Ну, до свидания, ребята...

«Все-таки похороны – это варварство, – подумал Костенко, наблюдая за тем, как в зал входили все новые и новые люди, пожилые уже, сорокалетние, а он их помнил студентами, не лысыми, а кудрявыми, не толстыми, а поджарыми. – Особенно когда уходит самый сильный из нас и самый веселый. Впрочем, первыми всегда гибнут самые сильные и веселые». (Именно так часто говорила его мама, Галина Николаевна Иванова, пришедшая в Москву в конце двадцатых, в лаптях, из Шуи, поступать в университет. Оттуда, из университета, с исторического факультета, и ушла вместе с отцом на фронт; отец погиб в Сталинграде; мама вернулась инвалидом.)

Григор, поднявшись на носки, чтобы дотянуться до высоко установленного микрофона, говорил прощальное слово. Он был сейчас растерянный и казался из-за этого еще меньше ростом. Голос его то и дело срывался: он сопел и совсем не был похож на себя.

– Слушай, Коля, – шептал кто-то за спиной Костенко, – в Дом журналистов раков привезли. Проводим Левушку – надо съездить.

– Нехорошо это, – ответил Коля.

– Почему? «И пусть у гробового входа младая будет жизнь...»

Костенко сердито обернулся:

– А раки при чем?

«Наших здесь человек пятьдесят, – подумал он. – Осталь-

ные пришли посмотреть смерть. Гадость это все-таки».

Костенко кто-то тронул за локоть.

– Вот так, Славик, – прошептал Степанов. – Первые наши похороны.

– Вот так, Митя...

– Я только вчера прилетел. А два месяца назад мы с ним на ипподром ездили. Он все время смеялся, анекдоты рассказывал. Я ему предложил новый фильм вместе снимать. Он тогда все шутил, что мы сделаем нашего Мегрэ лучше, чем у Сименона, а Кёс сегодня рассказывал, что он уже тогда знал, сколько дней ему осталось.

– Левушка был очень сильным человеком.

– Почему «был»? Он для нас всегда останется «есть».

– Брось, Митя. Был. Метафоры оставь для своей литературы. Я, знаешь ли, мыслю протоколом. Так верней в наш век. Был Левон – и больше нет его. И не будет.

Подошел Мишаня Васильев и хрипло сказал:

– Здоров, полковничек.

– Здравствуй.

Лет семь назад Костенко сажал Васильева за угон и спекуляцию автомашинами.

– Я у Левона работал последнее время, – сказал Васильев. – Помощником.

– Знаю. Он ко мне приходил, чтобы тебя, сукиного сына, в Москве прописали.

Мишаня затряс головой, в глазах его показались слезы, и

ОН ВСХЛИПНУЛ:

– Гады живут, боги умирают.

– Зачем с утра пил?

– Левушка велел. Я к нему за день перед смертью приходил, ананасов купил, а он сказал, чтобы мы его провожали весело. Воблы, говорил, хорошо бы достать на поминки. Сейчас жарко, вобла под водочку с пивком хорошо бы пошла. Смотри, говорил, чтоб мать и Марго не голосили, все вам настроение испортят.

Степанов спросил Костенко:

– Ты в крематорий на автобусе поедешь?

– Я не поеду в крематорий. Не могу, Митя.

– Поминать будем дома, – сказал Васильев. – Приедете?

– Постараюсь. Если почему-либо не получится, завтра зайди ко мне, пропуск я тебе спущу.

– А в чем дело? – Васильев удивился. – Я же завязал.

– Знаю.

– На Петровку?

– Нет. Я теперь в министерстве. Улица Огарева, шесть. В три часа сможешь?

– Вы что ж, попрощаться с Левоном пришли, или я вам тут нужен был по делу? – спросил Васильев, и лицо его стало жестче.

– Если б ты мне был нужен по делу, я бы нашел тебя через отдел кадров. Не надо так, ты сантименты не крути, ты ведь не урка, Мишаня.

Костенко действительно не смог приехать на поминки, хотя очень хотел быть там. На два часа был назначен прием у заместителя министра. Костенко думал, что дело, которое он безуспешно разматывал в течение последних сорока дней, после сегодняшнего доклада генералу перейдет в более спокойную фазу, но, вернувшись с похорон, получил новую сводку: «Вчера ночью в Свердловске в городской больнице скончался от отравления, идентичного тому, которое проходило по эпизодам в Минске и Ленинграде, Кикнадзе Шота Иванович, из Тбилиси. Данные прилагаются. Дежурный по управлению Бурмистров».

Кикнадзе, как и те двое в Минске и Ленинграде, приезжал покупать машину. Это единственное, что удалось установить точно. Об остальном можно было догадываться. Возле магазина к приезжему, очевидно, кто-то подходил и предлагал помочь купить «Волгу» без очереди. Потом они вместе шли в гостиницу, чтобы в номере спокойно посидеть, обмыть сделку и обговорить детали. Преступники подмешивали в водку снотворное, но делали это, не зная дозировки. Обокрав уснувшего человека, они уходили, даже не догадываясь, что тащат за собою «мокруху» – за сорок дней было убито три человека, и ни разу ни на одном месте происшествия не удалось получить отпечатки пальцев преступников. На столе оставались лишь те стаканы, из которых пили жертвы. На бутылках были обнаружены только отпечатки пальцев убитых. Судя по почерку, действовала одна и та же банда.

Опрос всех тех, кто мог хоть что-то знать об обстоятельствах, при которых были совершены убийства, ничего не дал. Костенко и его группа допросили десятки людей – работников автомагазинов, гостиниц, аэропортов, вокзалов, сберкасс, телеграфа, но, сколько они ни бились, найти хоть какие-то подступы к делу не могли.

Сотрудники спецгруппы, выделенные МВД Грузии и Армении на контакт с Костенко, допросили всех родных и знакомых погибших, прошли по всем их связям. Они говорили с работниками телефонных станций; по регистрационным почтовым книгам они узнали адреса и фамилии людей, которым в последние недели убитые отправляли телеграммы, но и это не дало никаких результатов.

Получив приказ срочно вылететь в Свердловск, Костенко вернулся к себе в кабинет, позвонил домой, попросил Машу собрать «допровскую корзинку» и прилег на диван – последние дни он ощущал тяжелую боль в животе, где-то справа, возле последнего ребра.

«А что, собственно, Мишаня Васильев? – подумал Костенко, когда боль приутихла. – Сколько лет прошло с тех пор, как он терся возле автомагазинов...»

Костенко осторожно поднялся, посидел мгновение, прислушиваясь к своей боли, потом распрямылся, сделал несколько наклонов в сторону, как на физзарядке, подошел к сейфу. Он достал дело и снова начал просматривать все те данные, которые удалось получить за последние дни. Он пе-

рекладывал бумажки и понимал, что делает это по инерции, просто для того, чтобы хоть что-то делать. Вдруг он отодвинул бумаги, полез за сигаретами: «Неужели Мишаня прав? Неужели я поехал на похороны только для того, чтобы найти там его, именно его, Мишаню Васильева, бывшего «специалиста» по автомобильным кражам и спекуляциям? Неужели похороны Левонушки были для меня только поводом? Нет, не может быть. А почему, собственно, не может быть? – возразил он себе. – Может, увы. Профессия поначалу накладывает лишь отпечаток на человека. Потом она подчиняет его себе без остатка. Цинизм? Вероятно. А в общем-то нет. Когда Левонушка был жив, мы дружили, и нам было хорошо и честно друг с другом. Что ж, демонстрировать отношение к мертвому? Это нетрудно, в конце концов: постоял час на панихиде да водки выпил на поминках. Мерить отношения к друзьям надо мерой живых. Показушничать мы все любим – спасу нет».

Костенко зашел на Центральный телеграф, открыл сберкнижку на имя маленькой дочки Левона, положив десять рублей, как первый взнос, но тяжелое ощущение какой-то безысходной тоски и гадостности не покидало его весь остаток дня, пока он оформлял командировку в Свердловск, получал билет на самолет и ехал на аэродром, торопясь на последний рейс, с тем чтобы с утра начать работать в областном управлении – допрашивать свидетелей, знакомиться с заключением экспертизы, ворошить досье на автомобиль-

ных спекулянтов и просматривать во всех аптеках рецепты с круглой печатью – на сильнодействующее снотворное.

2

В девять утра Костенко проводил первый допрос. Кассир автомагазина сказала, что за два дня до убийства в помещении «толкались три новеньких».

– Мы же завсегдадаев знаем, товарищ полковник, они нам как родственники, а эти, новенькие-то, из южан, один небритый, по-своему разговаривали. А как это все случилось, они у нас больше и не появлялись.

Костенко обернулся к начальнику местного угрозыска.

– У вас фото завсегдадаев есть?

– Кое-что подобрали.

Костенко разложил перед женщиной-кассиром девятнадцать фотографий.

– Это Григорий Яковлевич, – быстро заговорила она, перебирая фотографии, как карты в пасьянсе, – Борисов, пенсионер, он хороший слесарь, а это Егор-кривой, его фамилия Кривых, к нам ходит все равно как на работу, каждый день, а это Петр Павлович. Нет, тех новеньких здесь нет.

– Одни «старенькие»? – Костенко усмехнулся. – Ладно. Пройдите с товарищами, опишите подробно внешность этих новичков – рост, цвет глаз, вам там объяснят, что нас интересует.

– Словесный портрет? – спросила кассирша. – Об этом по телевизору показывали. Только они у меня в голове смеша-

лись. Помню, однако, – один небритый, и все.

Потом он беседовал с вдовой Кикнадзе, маленькой седой женщиной в черном, с распухшим от слез лицом. Ее привезли с аэродрома прямо в управление, потому что Костенко знал по опыту – пусти ее сначала в морг, разговора не получится. Так уже было в Минске и Ленинграде: вдовы кричали, рвали на себе волосы, падали в тяжелом беспомоществе.

«Грузинки горше наших переживают, – объяснял тогда старик санитар, – их мужики еще пока в руках держат, не распустили до полного равноправия».

– Кому же он мог звонить? – шепотом сказала женщина. – Кому телеграммы посылать? Никого у нас нет. Он честным трудом деньги заработал, он домой только на воскресенье приезжал, а так все в совхозе да в совхозе. За что такое горе нам, за что?! Говорила я ему: «Не ездь, не надо, жили без машины столько лет, проживем еще сколько бог отпустит».

– Значит, никто из ваших знакомых не обещал ему свою помощь, не давал адреса в Свердловске?

– Нет. Господи, за что же, за что?!

Костенко попросил выяснить во всех гостиницах города, кто останавливался за три дня до преступления – «южане, один с бородой, а может быть, просто небритый».

Через два часа ему сообщили, что в гостинице «Урал» за три дня перед преступлением был снят «люкс» неким Гомером Барамией, уроженцем Тбилиси, 1935 года рождения, который был «высокий и с темным, то ли смуглым, то ли плохо

выбрityм лицом».

Костенко связался с полковником Серго Сухишвили из грузинского уголовного розыска, и тот выяснил, что Гомер Барамия, доктор технических наук, действительно вылетал в Свердловск по командировке академии сроком на три дня, на защиту кандидатской диссертации в Политехническом институте, где он был оппонентом аспиранта Кутепова.

– Был бы еще химиком, – усмехнулся Костенко, – куда б ни шло, а тут чистая техника – трубопрокат, к снотворным, судя по всему, товарищ Барамия отношения не имеет.

Костенко позвонил в Москву, попросил установить, в каких городах есть автомагазины, и предложил поработать над версией «трех новеньких», срочно выделив спецгруппы из райотделов милиции. Потом он пообедал вместе с начальником уголовного розыска и отправился в ту гостиницу, где произошло убийство, но его вызвали оттуда в управление, потому что позвонили из министерства и сообщили, что час назад в Москве, в гостинице «Украина», в номере 903, обнаружен находившийся в бессознательном состоянии гражданин Урушадзе, отравленный таким же способом, как и все остальные, проходившие по делу.

Костенко вылетел в Москву. Наконец-то появился первый свидетель: врачи обещали спасти Урушадзе. Видимо, он выпил несмертельную дозу снотворного.

Однако увидеть гражданина Урушадзе не удалось, поскольку он сразу же после того, как пришел в сознание и был

помещен в отдельную палату, из клиники исчез.

Забрав в регистратуре паспорт Урушадзе, Костенко приехал в министерство, снова позвонил в Тбилиси, к Сухишвили, и через час получил сообщение, что интересующий Москву Урушадзе Константин Ревазович в настоящее время находится в санатории «Металлург», где работает садовником, а по совместительству в зимнее время – истопником, и что в последние дни из Гагры он никуда не выезжал. Сухишвили сообщал также, что о потере паспорта Урушадзе заявил в милицию еще месяц назад.

– Оштрафовали хоть? – хмуро поинтересовался Костенко.

– Нет, – ответил Сухишвили. – Безногий старик, инвалид войны, ограничились порицанием. Тем более его сын – наш работник.

– Семейственность разводите, – пошутил Костенко. – Ладно. Вы отработайте, пожалуйста, когда, где и при каких обстоятельствах у старика исчез паспорт. Здесь фотография на паспорте хорошо приляпана – мужчина лет тридцати, совсем не похож на инвалида. Я вам вышлю оттиск сегодня же, посмотрите по карточке.

Опросив персонал клиники, Костенко выяснил только одну деталь: придя в себя, Урушадзе сразу же спросил, где находится его чемоданчик с документами. Когда ему ответили, что такого чемоданчика в номере не было, он попросил принести сердечные капли и вскоре после этого сбежал.

3

– А я к вам приходил туда, как велели, – сказал Мишаня, пропуская Костенко в квартиру. – А там ни пропуска, ни записки...

– Извини. Я улетел в тот день. Как с панихиды вернулся, сразу ноги в руки – и полетел. На поминки много народу пришло?

– Семьдесят шесть человек. Часть на лестничной клетке расположилась. Стулья вынесли, газетами накрыли, и как хороший а-ля фуршет.

– Соседи скандалили?

– Нет. Они его тоже поминали.

– Понятно. Жена где?

– На работе. А что?

– Ничего. Ты один здесь сейчас?

– Сын спит.

– Сколько ему?

– Два года.

– Молодец. Только знаешь, как говорят: один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын.

– Это я слышал. А вы слышали, как один наш артист на школьную елку под банкой пришел? Не слышали? Так вот, работал он Дедом Морозом, это выгодная халтура. Пришел однажды, сел под елку и спрашивает детишек: «Дети, сколь-

ко Дед Мороз получит денег, если будет выступать десять дней по три раза на день? Учтите, что за каждое выступление ему полагается десять целковых!» Детишки хором: «Триста рублей, Дедушка Мороз!» Тут артист слезу вытер и возразил грустно: «Фига в сумку! А налоги?!»

– Это кто же такой?

– У вас свои тайны, а у нас свои. Знаете вы этого актера, его многие знают. Так вот и я вам – по поводу трех сыновей: «А налоги?»

– Серьезное замечание. Жена что делает?

– Полковничек, вы не крутите, не надо, я вам нужен, так вы б проверку заранее провели, зачем меня пытаете? Прикидываете на мне какой-то замысел?

– Прикидываю.

– Это серьезно?

– Серьезно.

– Неужели вы думаете?.. – Мишаня брезгливо усмехнулся. – Я завязал, совсем завязал, ясно? Я работаю. Честно работаю. И я теперь не хочу знать ни вас, ни тех, кого вы ловите.

– Ловлю я банду, которая угрохала трех человек, Мишаня. Это тебе не печки-лавочки.

– Варварство, конечно, только я здесь при чем?

– Ты можешь мне помочь.

– Нет, я в эти игры никогда не играл, а уж теперь тем более играть не собираюсь.

– Я, наверное, очень тебя подвел?

– Чем?

– Ну как же: легавый, а пришел к тебе домой...

– Ко мне – пожалуйста. Я к вам не хочу, это прошу понять.

В соседней комнате заплакал ребенок.

– Шурка проснулся, – сказал Мишаня, и лицо его смягчилось, разошлись жесткие морщины возле рта и над переносьем. Он быстро поднялся, ушел в комнату и вскоре вернулся с мальчиком, розовым со сна. Мальчуган был кудрявый, он удобно устроился на отцовской руке и хмуро разглядывал гостя.

– Ну, давай занимайся с сыном, – сказал Костенко, поднимаясь, – я пошел.

– Вы это... не обижайтесь. Я ведь не против вас лично.

– А против кого ты «лично»? Что же мне тогда с тобой было делать, Мишаня? Ты же закон преступал.

Мишаня подбросил сына на руке и усмехнулся:

– Вишь какое дело, Шурик? Смотри закон не преступай, а то упрячут в острог.

Мальчик засмеялся и дернул отца за ухо.

– Ты не очень-то, – посоветовал Костенко, – сейчас дети умными растут, умнее нас с тобой. Не надо ему знать, что тебя сажали. Не шути так.

– От сумы да от тюрьмы не зарекайся. Так говорится?

– Это все ля-ля, Мишаня. С ума сойдешь от горя, случись с ним что.

– Мой же отец с ума не сошел.

– Так он у тебя алкоголик, какой с него спрос.

– То есть как это, какой спрос! Он же отец! Он жизнь мне дал! Ничего себе, какой спрос.

– Это хорошо, что ты так ерепенишься, – сказал Костенко, – это ты ерепенишься верно.

– А то, что вам отказываюсь служить, это неверно, да? Так вас надо понимать?

– Служить тебя никто не заставляет, Мишаня. Я к тебе за помощью пришел. Я объяснил тебе, что ищу банду, которая убила трех человек. Трех, ясно? Восемь сирот осталось. Ладно, это уже лирика. Будь здоров. И Шурке витамин «А» давай, в этом возрасте он очень нужен.

Когда Костенко ушел, Мишаня поднял сына над головой и сказал, вздохнув:

– Что, парень, смеешься? Весело тебе, дурачку моему, да? Весело? Ну и веселись, пока я живой.

День делового человека

В Госплане Проскуряков провернул только полдела: сметы на расширение Пригорской аффинажной фабрики, вернее, цеха по обработке рубинов и гранатов, были рассмотрены и в принципе одобрены, однако решение еще не состоялось, потому что второй день шла теоретическая конференция по внедрению автоматических счетных систем в народное хозяйство.

Однако Проскуряков успел зайти к Иволгину и объяснил ему, что те двести сорок тысяч, которые он просит на расширение производства, принесут отдачу уже через полгода, поскольку новую продукцию после предлагаемого расширения берет, что называется, на корню торговая фирма «Самоцвет», которая уже сейчас готова принять на себя определенную часть расходов.

– Вот пусть они вас и финансируют. – Иволгин посмеялся. – Прямая социалистическая кооперация, мы этого добиемся и к этому идем. А вы норовите поспокойней, понадежней – урвать у государства, и вся недолга.

– Это меня-то в консерватизме? – в тон Иволгину ответил Проскуряков. – Побойся бога, Мирослав Казимирович! Вы, между прочим, меня за крылья держите, вы! Позвольте мне отладить прямые контакты с фирмами, так я вас деньгами завалю, а вы – все нет и нет и по каждому моему шагу отчет

требуете.

– Ладно, – ответил Иволгин, – я думаю, Юрий Михайлович, на следующей неделе вам спустят решение. Ситуация, по всему, в вашу пользу, да и вопрос-то в наших масштабах пустячный – двести тысяч.

– Двести сорок, Мирослав Казимирович, двести сорок.

– Не надо странных цифр, Юрий Михайлович. – Иволгин снова посмеялся. – Эту вашу хитрость – просить двести сорок, чтобы получить двести, все давным-давно поняли. Двести, друг мой, двести, на большее не рассчитывайте.

Из Госплана Проскуряков поехал в институт станкостроения: в лаборатории профессора Никоненко конструировались новые агрегаты для обработки минералов.

– Убиваете сами себя, – сказал Проскуряков, ознакомившись с опытными образцами станков с автоматическим управлением. – Милый профессор, человечество, и в первую очередь его инженерная мысль, рождает такие умные машины, что в конце концов нам программу станет диктовать станок, а не мы ему. Нас убьет автоматика, мы станем ленивыми, ожиревшими, наживем раннюю стенокардию. И не стыдно вам подталкивать человечество к гибели?

Никоненко попросил Проскурякова достать фонды на латунь, но Проскуряков сказал, что это практически невозможно, поскольку фонды распределяет Госснаб и на то, чтобы пробить это, придется потратить несколько недель, а то и месяцев.

– Пластмассы сюда никак не подойдут? – поинтересовался он. – У меня хороший дружок назначен командиром по пластмассам, это бы я смог сделать для вас очень быстро, профессор.

Потом Проскураков отправился к директору паровозоремонтного завода: надо было получить несколько списанных локомотивов для внутривозовских линий; экономисты подсчитали, что на ряде заводов его системы значительно выгоднее эксплуатировать локомотивы, чем гонять автотранспорт.

Закрыв ладонью трубку, директор завода Самохвалов кивнул Проскуракову на кресло – садись, мол, – а сам продолжал устало объяснять собеседнику:

– Товарищ Захаров, я пятый раз вам повторяю, что могу, исходя из тех же фондов сырья и зарплаты, которые мне отпущены, давать двести процентов плана, удвоить выпуск продукции, но для этого санкционируйте мне свободу действий! Да, да, мне, товарищ Захаров! Не считайте меня самодержцем, пожалуйста! Профсоюзы мне не позволят обижать рабочий класс, да и сам я, между прочим, не из дворян, а из слесарей! Да, да! У меня по штату в КБ сорок человек, сорок молодцов с окладом от ста десяти до двухсот пятидесяти, а мне там нужно всего пять человек с окладом от трехсот до тысячи! Да, да, именно до тысячи! И я должен иметь право объявлять ежегодный конкурс на замещение вакансий по конкретной теме, а не по специальности, записанной в дипломе! Ползунов, кстати, Политехнический не кончал! У

меня осмечено двенадцать тысяч на телефонные разговоры с поставщиками, а вот трех толковых снабженцев с окладом в триста рублей и с представительскими я выбить не могу! Да, да, не могу, товарищ Захаров! Я отдаю двенадцать тысяч, а взамен прошу семь, но только так, чтобы этими деньгами можно было маневрировать, а не тратить их лишь потому, что они отпущены! У меня, понимаете ли, двадцать восемь вохровцев, а мне нужны всего три инструктора служебного собаководства и десять овчарок, но мне этого никто не позволит. У нас всем работы хватит! Нет, товарищ Захаров, это не истерика, а боль за порученное мне дело, и вы своим, понимаете, спокойствием не козыряйте! Значит, вы равнодушный чиновник, если спокойно меня слушаете! Вот так вот! А это уж ваше дело!

Самохвалов бросил трубку, выругался и полез за «Казбеком».

– Ну что ты будешь делать, а? – как-то изумленно сказал он. – И все указания дает, все поправляет.

– Я, знаете ли, товарищ Самохвалов, иной раз во сне вижу прошлые годы, когда чувствовал себя солдатом: день кончился, а служба идет. Живи себе, отчеты пиши – не каплет. А теперь хочется рвануть, и права для этого вроде бы дали, ан нет, все за фалды норовят ухватить, перестраховщики проклятые.

– У вас валидола нет? Я свой дома оставил. – Самохвалов отложил папиросу.

– Э, миленький вы мой, так нельзя. Надо бы нам с вами еще увидеть небо в алмазах... Я валидол не употребляю, только коньячок: пятьдесят граммов – и никакой боли.

– За пьянство во время работы прогонят. – Самохвалов усмехнулся. – Ну, что у вас? По поводу трех локомотивов? Я подписал, теперь вам надо поднажать на министерство, я туда отправил.

Проскуряков вернулся к себе в главк только после трех. Он успел в столовую за полчаса до закрытия, но рассольник уже кончился, и отварная курица тоже была вычеркнута из меню. Проскуряков запретил приносить ему еду в кабинет и вместе со всеми обедал в столовой. Иногда буфетчицы оставляли для него рассольник и курицу, но сегодня работала какая-то новая буфетчица, и ему пришлось довольствоваться порцией бульона и зразами с гречневой кашей.

В приемной его ждали человек восемь.

Первым вошел журналист, с которым они беседовали неделю назад, – готовилось выступление нескольких хозяйственников, и Проскуряков «наговорил» большую, очень злую статью.

– Вот, – сказал журналист, – посмотрите, Юрий Михайлович, я тут записал ваши соображения. Если согласны, завизируйте.

Проскуряков взял карандаш и, делая быстрые пометки на полях, внимательно прочел все шесть страниц машинописного текста.

– Это, пожалуй, снимите, – попросил Проскуряков, – вот эту фразу. Я здесь как пророк вещаю: поскромней надо. Я лучше поставлю вопрос, а вы уж от своего имени выскажете рекомендации.

– Со всем остальным согласны?

– Иначе бы я не говорил всего этого.

Потом он принял уборщицу Ануфриеву, которой комиссия исполкома отказала в двухкомнатной квартире, потому что один из ее троих сыновей недавно получил жилье.

Выслушав Ануфриеву, Проскуряков сердито покачал головой и снял телефонную трубку.

– Так это же старший сын, Галина Федоровна, – говорил он секретарю исполкома, – у него своя семья, понимаешь? У Ануфриевой муж погиб в ополчении, одна трех хлопцев подняла. Двое-то с ней остались, причем один из армии пришел, не сегодня завтра жену приведет.

Он долго слушал ответ Галины Федоровны, а потом, нахмурившись, хлопнул ладонью по столу.

– Товарищ дорогой, давайте же наконец вытащим всех из подвалов! Хорошо, я передам в ваш фонд площадь из моих резервов; пусть наш управдел Сагадеев подождет, ничего, их трое. Ануфриевой надо помочь. Что рабочие скажут, Галина Федоровна, об этом следует думать, об этом! Да... Вот именно. Не стоит нам с тобой в этом вопросе конфликтовать. Да... Ну хорошо. Это ответ. Спасибо тебе. Она завтра зайдет. Кланяйся своему Миколу Ивановичу.

Он положил трубку, вздохнул, устало потер лицо и поморщился:

– Да не плачь ты, Прохоровна. Иди завтра получай ордер.

Потом он принял товарищей из Таджикистана и Хабаровского края, провел летучее совещание с директорами двух заводов, посмотрел на часы – было уже семь, вызвал к себе плановиков и попросил их подготовить проект приказа, не дожидаясь бумаги из Госплана, поскольку двести тысяч на расширение ювелирно-аффинажной фабрики будут, как и просили, отпущены; вызвал машину и собирался было уезжать домой, когда дверь кабинета неслышно отворилась и вошел Пименов.

Проскураков даже привстал с кресла от удивления и остро вспыхнувшего чувства тревоги.

Пименов быстро подошел к приемнику, включил его, настроил на «Маяк» и сказал:

– Плохо дело, Юрий Михайлович: Налбандов сгорел.

– Как? – шепотом спросил Проскураков. – Арестован?

– Пока нет. Приехал в Москву, идиот, машину покупать, он за машину отца родного продаст, влип в историю и дал деру. А поддельный паспорт оставил здесь, в Москве, и весь товар на девять тысяч исчез – тю-тю...

– Ну и что делать?

– Так я за этим к вам и прилетел, – ответил Пименов. – Только вы не волнуйтесь, я дождался, пока секретарша ушла, так что мы одни.

Проскураков достал из шкафа, где стояли ровные томики классиков и пухлые справочники, бутылку коньяка, налив себе пятьдесят граммов в зеленую мензурку и, покачав головой, странно усмехнулся.

– Вы что? – осторожно спросил Пименов.

– Так... Ничего, – откинувшись в кресле, ответил Проскураков и закрыл глаза. – Смешная у нас жизнь, товарищ дорогой. Сейчас... отдышусь и поеду... Давай подскакивай в «Ласточку», там обсудим, что делать.

Вечер интеллигентного бандита

– Позвольте мне поднять этот бокал, – сказал Виктор Кешалава, – за режиссера, а в его лице за всю вашу группу. Мы, как я убедился сегодня, побывав на съемочной площадке и посмотрев вашу работу, ничего не знали о вашем, иначе не скажешь, рабском труде.

– Творчество – это свобода раба! – крикнул ассистент оператора Чоткерашвили. – Вам, инженерам машин, не понять инженеров человеческих душ!

– Не перебивайте, – попросил оператор, избранный тамадой на сегодняшнем субботнем вечере в «Эшерах», красивом ресторане, расположенном в горах, неподалеку от Сухуми. – Продолжайте, Виктор.

– Ваш труд, – продолжал Кешалава, – я хотел бы сравнить с трудом виноградаря. Не каждый знает, как много пота уходит на то, чтобы вырастить гроздь, напоенную солнцем, не каждый знает, как много труда уходит на то, чтобы снять ту гроздь, не каждый знает, сколько труда уходит на то, чтобы превращать виноград в сок, а уж сок сделать благородным вином. Зритель – как покупатель. Ни тот, ни другой не знает, сколько кровавого пота уходит на то, чтобы сделать бутылку вина и чтобы создать фильм. Я пью за труд вашего замечательного режиссера, за здоровье большого художника Григория Марковича...

– Марка Григорьевича, – поправил Чоткерашвили, – имя и отчество режиссера – это вам не сумма слагаемых!

– За здоровье большого мастера, настоящего художника Марка Григорьевича! – продолжал Кешалава, быстро глянув на Чоткерашвили. – Пусть он вкусит плоды своего труда, как виноградарь, которого славят в песнях благородные горцы. Мы все знаем Марка Григорьевича как выдающегося представителя советской кинематографии, соратника великих мастеров мирового кино. За вас, мой дорогой! Всего вам лучшего! Исполнения всех ваших желаний!

Марк Григорьевич тяжело вздохнул – вчера из Ленинграда пришла телеграмма, в которой говорилось, что отснятый им материал раскритикован худсоветом, а этот фильм был его последней надеждой: предыдущие картины режиссера критика справедливо разносила за серость и холодное ремесленничество.

– Спасибо! – сказал Марк Григорьевич, поднявшись. Маленькие глаза его после двух рюмок становились кроличьими, красно-синими. – Спасибо, Виктор! Но я хочу, чтобы вы все выпили со мной не за выдающихся, а за средних режиссеров – на них стоит мировой кинематограф, на их седилах и инфарктах рождаются Феллини, Антониони, еще там кто-то и прочие Крамеры! Будем здоровы, Леночка!

Актриса, прилетевшая из Москвы на съемки, чуть усмехнулась. Если бы не срочная надобность в деньгах, она бы никогда не согласилась сниматься у этого режиссера, но ей

предстояло платить второй взнос за кооперативную квартиру, и поэтому пришлось взяться за работу, в которую она не верила.

Кешалава подсел к актрисе и сказал:

– Вы сегодня покорили меня своим искусством, Леночка. Я смотрел, как вы изумительно работали на площадке. Как тонко!..

– Экран покажет.

– Что?

– Это поверье у актеров. Экран покажет, как работала – хорошо или плохо.

– Вы не верите простому зрителю?

– Не верю.

– Отрываетесь от народа, Леночка, нехорошо. – Кешалава улыбнулся. – Можно вас пригласить на танец?

– Не сердитесь, пожалуйста. Я очень устала, мне бы до подушки добраться.

Кешалава отошел к метрдотелю, и через пять минут на столе появилось десять бутылок коньяка «Дойна».

Леночка заметила, как Марк Григорьевич затравленно посмотрел на оператора, тот – на заместителя директора картины Гехтмана, а Гехтман – на Чоткерашвили: эти десять бутылок составляли месячную зарплату режиссера-постановщика. Чоткерашвили чуть кивнул на Кешалаву – мол, это он заказал, все в порядке, никому из нас не придется платить.

– Позвольте еще одно слово? – обратился Кешалава к та-

маде. – Я понимаю, что нарушаю очередность, но я коротко.

– Слово Виктору, – сказал оператор. – Второй дубль, – добавил он под смех группы. – Первый был слишком длинный, да и Марк Григорьевич оказался не в фокусе.

– Я хочу просить всех наполнить бокалы и поднять их за здоровье очаровательного человека, нежной женщины и великой артистки, которая покоряет сердца и умы зрителей! За Леночку! Она сказала сейчас, что очень устала, но этот коньяк взбодрит ее, придаст ей сил для того, чтобы и завтра продолжать прекрасную работу, которая никого не оставляет равнодушным.

Кешалава выпил первым до конца и посмотрел на Леночку. Она улыбнулась.

– Не сердитесь, Виктор, но я коньяк не пью. Я вообще не пью.

– Совсем ничего?

– Глоток шампанского – это моя доза. Спасибо вам, не сердитесь, бога ради.

Кешалава снова отошел к метрдотелю, и через несколько минут официанты принесли дюжину шампанского.

– Этот инженер, – сказал Марк Григорьевич оператору, – не иначе как по совместительству пишет сценарии. Двести за коньяк плюс шестьдесят за шампанское.

– Вы обязаны выпить глоток, – говорил Кешалава, наливая Леночке шампанское в высокий бокал, – это – солнце, во-первых, здоровье, во-вторых, и наконец, в-третьих, это –

творчество!

Разъезжались из «Эшер» около двух. Кешалава попросил музыкантов задержаться, и еще часа полтора в ресторане шло веселье.

Ассистент Чоткерашвили сидел возле художника Рыбина. Тот катал по скатерти хлебные шарики и с тяжелой ненавистью смотрел на Марка Григорьевича.

– Как его пустили в искусство? – спрашивал он Чоткерашвили. – Зачем? Только наша демократия гарантирует права такой бездари... У него диплом – и все тут! Значит, его нельзя прогнать взащей. А ему важен тот момент, когда он влезает в соавторы к сценаристу и получает постановочные, больше его ничто не интересует. Он ведь и актеру-то ничего толком показать не может, актерам неинтересно работать, им делается скучно, когда они видят его сонную физиономию.

– А ты чего злишься? Тебе ж с ним спокойно – никаких требований! Рисуй себе этюды, готовь персональную выставку.

– Я в творчестве не спокойствия ищущу, я ищущу в работе гибели.

– Иди в верхолазы, – предложил Чоткерашвили. – С твоей комплекцией сразу в ящик сыграешь.

Кешалава все же уговорил Леночку потанцевать с ним. Он танцевал по старинке, далеко отведя левую руку и прижимая к себе Леночку тыльной стороной ладони.

– Прекрасный джазовый коллектив, – говорил он, – обид-

но, что они играют в таком вертепе.

– Здесь очень мило, какой же это вертеп?

– Ну, все-таки. Они могли бы давать сольные концерты. А вам можно выступать с сольными концертами?

– Когда? У меня театр, в свободные дни – съемки, да и сейчас как-то не принято играть отрывки из спектаклей в концертах.

– Простите за нескромный вопрос, Леночка. Сколько вам платят в театре?

– Сто двадцать.

– Сто двадцать за спектакль?

Леночка устало усмехнулась:

– В месяц, Виктор, в месяц!

– А за картину?

– Моя ставка – двадцать пять рублей за съемочный день.

Здесь у меня будет дней двадцать. Вот и считайте.

– Вам должны платить сто рублей в день, Леночка!

Актриса улыбнулась.

– Я стану миллионершей, а это плохо, Виктор.

– Почему?

– Потому что это убивает творчество.

– Ну, не знаю, лично мне, когда я сыт, лучше работается.

Простите, Леночка, а вы замужем?

– Замужем.

– Я бы на месте вашего мужа умер от ревности: такая красивая женщина разъезжает одна.

– Мы с мужем исповедуем свободу.

– Да? Это как?

– Ну как? Трудно это объяснить. – Леночка вздохнула. –

Пытаемся выстроить систему мирного сосуществования.

Метрдотель подошел к Кешалаве и сказал:

– Извините, дорогой, но уже очень поздно.

Кешалава протянул ему деньги, но метрдотель отрицательно покачал головой.

– Нет, спасибо. Вы уже за все заплатили. Я другое имел в виду – последний автобус уходит в город, мне пора домой.

По дороге в Сухуми так громко пели песни, что усталый шофер обернулся и зло сказал:

– Тише, пожалуйста, у меня перепонки лопнут.

Кешалава передал ему бутылку коньяка.

– На, милый, выпьешь дома, а сейчас не сердись, люди веселятся.

Он проводил Леночку до дежурной по этажу, взял ключ от ее номера, отпер дверь, пропустил актрису вперед и, пока она включала свет, быстрым, кошачьим движением запер внутренний замок.

Леночка удивленно обернулась.

– Мне не хочется с вами расставаться, – сказал Кешалава. – Что, если я останусь, а?

– Вы с ума сошли. Уходите сейчас же!

Кешалава достал из кармана пиджака несколько крупных темно-красных камней. Он поиграл ими в ладони и положил

на столик возле кровати.

– Гранаты... Каждый стоит сто рублей, Леночка! Их здесь тринадцать. Я люблю это число.

Он подошел к выключателю и погасил свет.

– Уходите прочь! – сказала Леночка.

– Зачем же так?

Он обнял ее и сильно привлек к себе.

Леночка уперлась локтями в его грудь и сказала:

– Я сейчас закричу.

– Ты не закричишь, лапочка. Зачем тебе нужен скандал? Что твой муж обо всем этом подумает? Ты ж сама меня впустила. Раздешься, Леночка, давай по-хорошему.

– Пустите меня, Виктор, пустите!

– Нет, Леночка, не пущу.

– Но я же не смогу раздеться.

– Вот умница, – сказал Кешалава и разжал руки. В ту же минуту Леночка выбежала на балкон.

– На помощь! – закричала она что было сил. – На помощь!

Ко мне!

В номерах стал загораться свет.

Из соседней комнаты на смежный балкон выскочил старик грузин.

– Что случилось, девушка?! Что случилось?!

– Что такое? – крикнул снизу дежуривший на площади милиционер. – Что там у вас?!

– Сюда! Скорей сюда!

Она кричала и все время боялась, что снова ощутит на своем теле быстрые, длинные руки Виктора, но в номере хлопнула дверь, и, когда вбежал запыхавшийся милиционер, а за ним на пороге появился полураздетый испуганный режиссер, Кешалавы в комнате уже не было. Только свет остро высверкивал в трех камушках, лежавших на стеклянном столике возле кровати, – видимо, Кешалава в панике не успел схватить все камни...

Фактор времени

1

«В то время, когда вызванный мною следователь горотдела УВД Толордава допрашивал потерпевшую, актрису Торопову Е. Г., раздался телефонный звонок, и человек, не назвавший себя, сказал Тороповой Елене Георгиевне, что если она донесет милиции о камнях, то он ее зарежет. Он предложил Тороповой взять себе оставшиеся на столике драгоценные камни, но никому не говорить, откуда у нее эти гранаты. Следователь Толордава попросил Торопову еще раз описать ему человека, и в результате проведенного оперативного мероприятия мы выяснили, что звонили из телефона-автомата № 679 около кафе «Мерани».

Выделенные горотделом УВД спецгруппы блокировали вокзал и выезды из города по шоссе, пользуясь словесным портретом Кешалавы, составленным после допроса художника картины т. Рыбина А. К., ассистента режиссера т. Чоткерашвили Ш. У. и актрисы Тороповой Е. Г. Однако никто, похожий по приметам на Кешалаву, из города этой ночью не выезжал.

Зам. нач. отдела УВД, старший лейтенант милиции Джибладзе».

«МВД СССР. Тов. Костенко. Сообщаем, что экспертиза НТО Сухумского горотдела милиции после проведения исследования на выявление степени ценности гранатов (дело № 12–75-а) обнаружила на трех камнях следы снотворного (порошок белого цвета, без запаха), идентичного тому, о котором вы разослали ваши запросы 15.8.1971.

Начальник отдела уголовного розыска, майор милиции Шервашидзе».

«МВД СССР. Тов. Костенко. Сообщаем, что проверка гражданина Кешалавы Виктора начата по всем районам ГССР. Установлено 38 человек с этими именем и фамилией. Список прилагаю.

Зам. нач. отдела угро МВД ГССР, полковник Сухишвили».

2

Степанова разбудил телефонный звонок.

– Митя, привет, это Костенко.

– Здравствуй, старичок.

– Я не разбудил тебя?

– Что ты! Я начинаю трудиться с шести.

– Ну, слава богу. А то я испугался – у тебя голос сонный.

Слушай, мне надо к тебе подъехать. Можно?

– Осел! Что значит «можно»?

– Это я демонстрирую уважение уголовного розыска к труду литератора.

– Ну, извини. – Степанов усмехнулся.

– Да нет, пожалуйста... – в тон ему ответил Костенко. – Значит, я через двадцать минут у тебя.

– Голодный?

– Сытый.

– Жду.

Костенко приехал ровно через двадцать минут.

– Я к тебе на полчаса, старина. Ты мне нужен в качестве эксперта по кино.

– Что-нибудь интересное?

– Пока гиблое дело. Верчу. Начнет проясняться – расскажу. Помоги с кинематографом, Митя.

– Никто не в состоянии помочь кинематографу, – пошу-

тил Степанов. – Даже уголовный розыск. Что именно тебя интересует?

– В киногруппе целый день вертелся чужой человек. Потом этот тип исчез, а мне он очень нужен – мы его давно ищем. Подскажи, с кем мне там поговорить, я ведь этого киношного мира не знаю. У кого мне спросить, скажем, мог ли посторонний, находившийся во время съемок на площадке, попасть в кадр.

– Поговори с ассистентом режиссера, он имеет много контактов с людьми, потому что именно ассистенты отвечают за актеров и за реквизит.

– То есть?

– Ну вот завтра у тебя съемка, а тебе нужно пригнать в кадр слона. Ассистент едет в зоопарк, интригует заведующего, обещает достать высокие сапоги жене бухгалтера и привозит слона. После этого на него кричит директор, почему он уплатил больше нормы зрителю, а режиссер кричит на директора и предлагает ему самому сыграть роль слона, а оператор сообщает, что солнце ушло, съемка в этот день отменяется, и ассистенту объявляют выговор.

– У тебя веселое настроение, Митя, это хорошо. Я бы посмеялся вместе с тобой, но у меня самолет. А мне надо выяснить, мог ли случайный в киногруппе человек попасть на пленку.

– Случайные люди могут попасть на пленку, Слава. Только, скорее всего, они попадут на пленку фотографа группы.

Он обязан снимать каждую мизансцену. Вполне вероятно, что кто-то из посторонних может оказаться на втором плане. Поговори с гримерами. Попроси отобрать из сотни актерских фотографий те, где есть сходство – хотя бы типажное – с человеком, которого ты ищешь. Попроси их, наконец, загримировать актера под твоего подопечного. Если в группе был художник и он общался с тем гражданином Икс, попроси набросать портрет по памяти.

– У тебя какого-нибудь болеутоляющего нет?

– А что?

– Не знаю. Брюхо ноет. Вернее, болит. Говоря откровенно, чудовищно болит.

– Врачам показывался?

– Не рачок ли у меня, Митя?

– Идиот!..

– Это еще надо доказать... Ты же сам проповедовал, что наше поколение слабее пятидесятилетних, потому что те не знали радиации в детстве и городских шумов в юности.

– Это я проповедовал потому, что у меня у самого болело сердце и я думал, что перенес на ногах инфаркт. Ерунда. Отдохни недельку – и все пройдет.

– Левону тоже говорили – ерунда, все пройдет. А болело у него там же.

Костенко снова вспомнил Левона: за месяц перед смертью, когда он знал уже, что ремиссия кончилась и счетчик начал шершаво отсчитывать последние дни жизни, он позво-

нил Костенко и пригласил его на студию.

– Я хочу показать тебе материал, – сказал тогда Левон. – Кёс предложил мне сняться в его картине, я роль жулика играю...

Костенко приехал на «Мосфильм», и они сидели вдвоем в «яичном зале» (так в шутку называли маленький просмотровый зал, потому что он был декорирован ячеистыми картонками, в которые упаковывают яйца: выяснилось, что эти картонки хороши для звукопоглощения), и Левон пристально смотрел на Костенко, думая, что тот, увлеченный происходящим на экране, не видит его взгляда. А Костенко видел глаза Левона, он научился видеть все вокруг себя, и он видел в глазах друга такую боль, что в горле запершило, но он заставил себя засмеяться и, не поворачиваясь к Левону, сказать:

– Я не думал, что ты такой великолепный актер.

– Тебе не кажется, что я на экране выгляжу полным дряком?

– Почему?

– Экран – хитрая штука, Славик... Он, как наждаком, сдирает всю неправду. Наивно думают, что грим спасет. Ерунда. Грим еще больше подчеркивает...

– Что именно подчеркивает грим?

Левон достал сигареты, протянул Костенко. Тот кивнул на табличку «Курить строго воспрещается». Левон отмахнулся:

– Правила написаны для того, чтобы их нарушать...

– Ты не ответил мне, Левон...

– Э, ерунда!.. Я хочу нарушить правила, которые мне предложили в клинике год назад... Только не говори, Слава, что я хорошо выгляжу, ладно? Тогда я приглашу тебя консультантом в мою новую картину.

3

Художник кинокартины Рыбин, набросав по памяти портрет Кешалавы, сказал:

– Все-таки, товарищ полковник, лучше вам поговорить с нашим фотографом. Вдруг у него есть снимок этого самого Кешалавы.

– Вот он, – обрадованно сказал фотограф группы Сураhitдинов, достав из закрепителя сильно увеличенный негатив. – Видите, возле Леночки стоит. Это было на натуре, мы тогда снимали эпизод неподалеку от ресторана «Эшеры». Много машин останавливалось: все интересуются кино... Вот он, Кешалава, видите? А мне как раз надо было сделать повторное фото Леночки – гримеры с ее прической совсем заврались. То она в кадре с косой была, а то оказалась с завивкой. Снимаем-то как? Сначала играем финал, а потом начинаем снимать начало. Без моих снимков каждой сцены можно все забыть, все напутать, а потом как фильм склеивать?

Костенко снова посмотрел на портреты Кешалавы, которые ему сделал Рыбин, и сказал:

– Похож, а? Так ухватить. Молодец ваш художник. Вы эту пленочку мне дадите часа на два, ладно?

– Хорошо.

– И не надо никому говорить, что мы с вами тут Кешалаву

нашли.

– Понятно.

– Ай да художник, – повторил Костенко, – ай да глаз-ватерпас!

– Глаз-ватерпас – это когда водку по стопкам точно разливают.

– Каждый понимает слово в меру своей испорченности, – заметил Костенко и, забрав пленку, поехал в горотдел милиции.

Усталость, которая давила его последние дни, прошла – он сейчас чувствовал приближение серьезной работы.

Через пять часов после того, как в Москву был отправлен портрет Кешалавы, по областным управлениям внутренних дел было разослано двести фотоснимков преступника.

4

– Товарищ Чоткерашвили, попробуйте восстановить в памяти, каким образом с вами познакомился Кешалава.

– На съемочной площадке, товарищ Костенко, это было на съемочной площадке... Операторы снимали сложный кадр, а Кешалава стоял рядом со мной и говорил, какой это каторжный труд – кино...

– А каким образом он оказался с вами в ресторане? У вас был какой-нибудь праздник?

– Да какой там праздник... Кончили работу, до города ехать час, решили скинуться и поужинать в «Эшерах».

– Кешалава ничего вам о себе не говорил?

– Сказал, что он инженер, приехал в Сухуми отдохнуть. Мы с ним перекинулись парой фраз – он наблюдал, как мы снимали сцену около «Эшер». Вероятно, услышал, что мы решили поужинать, и пристроился к нам. Мы, кинематографисты, народ демократичный, не спрашивать же с каждого личный листок по учету кадров... Разговор у меня с ним был пустячный, он все на Леночку смотрел. Вроде бы мне ничего конкретного не говорил.

– Он не говорил вам, где остановился?

– Нет. Зачем ему было говорить об этом, если я не спрашивал?

– Логично. Теперь вот что: он не рассказывал вам о своей

узкой специальности? Инженер – это слишком общо.

– Он сказал, что занимается холодильными установками.

– Холодными установками? А в связи с чем он вам это сказал?

– Он меня спросил на площадке: «Вы режиссер?» Я ответил ему, что я ассистент режиссера. И его спросил: «А вы?» – «Я инженер. А что такое ассистент? Заместитель?» – «Почти, – ответил я. – А вы инженер в какой области?» – «Холодными установками занимался».

– Занимался? Или занимаюсь?

Чоткерашвили нахмурился, вспоминая, потом задумчиво посмотрел на Костенко и ответил:

– «Занимался». Он сказал «занимался». Он еще сказал: «Я сделал все мои дела и теперь хочу хорошенько отдохнуть. Хочу покойфовать вволю».

– Вот видите, как хорошо вы меня понимаете. Давайте-ка теперь сами помозгуйте в этом направлении. Меня интересует все, каждая мелочь, любая подробность, только в кратком выражении...

– «Подробно» только тогда подробно, когда кратко, – заметил Чоткерашвили.

– Это точно, – согласился Костенко. – Абсолютно точно. Итак?

– Одет он был очень изысканно. Не так, как одеваются пиджоны, а очень скромно и дорого. Наша костюмерша, помню, сказала: «Так теперь шьют только три мастера в Союзе».

– А как зовут эту костюмершу?

– Любовь Трофимовна.

5

– Любовь Трофимовна, кто, по-вашему, шил костюм Кешалаве?

– Откуда ж я знаю, товарищ полковник. Я не Мессинг. Лучший закройщик делал – это точно. А таких раз-два и обчелся.

– Давайте загибать пальцы.

– Что? – Женщина удивилась.

– Раз-два и обчелся. Вот и начнем счет.

– Замирка.

– Что? – Теперь удивился Костенко. – Какая Замирка?

– Это фамилия закройщика в Москве. Замирка. Великолечно работает. Милютин и Гринберг в Ленинграде, Калнин в Риге и Тоом в Таллине. Да, еще Куров хорошо шьет во Львове и Нимберт в Одессе.

– Вы говорили Чоткерашвили, что теперь так шьют только три мастера.

– Не помню я, что ему говорила.

– Ну, хорошо. А кто лучше всего шьет?

– Замирка, Гринберг и Милютин, – сразу же ответила женщина, и Костенко не мог скрыть улыбки.

«Все-таки женская логика совершенно разнится с нашей, – подумал он, – и с этим ничего не поделаешь. Сплошные импульсы и чувствования».

– Ну а Кешалаве кто из этих трех мог шить?

– Трудно сказать. Плечи вшиты по-американски, внутрь, а так теперь умеет только Замирка делать. Но Замирка больше любит букле, это фигуру утяжеляет, для худых это хорошо, торс кажется могучим. А цвет Замирка обычно предлагает нейтральный – серый, пепельный, коричневый. А у Кешалавы у этого синий костюм, гладкий, миллионерский.

– Почему миллионерский?

– Скромный. Очень скромный, но зато все линии отработаны, и шлицы – разрезы мы так называем – замечательно сделаны, и пуговицы плоские, из ореха, а не пластмассовые. И главное – цвет. Синий цвет сейчас самый миллионерский. Наш автор рассказывал, как он в Нью-Йорке пошел на Уолл-стрит посмотреть миллионеров. Ну вышли там из банка два мужика – все в переливных костюмах, ботинки на каучуке, подошва в ладонь, рубашки розовые, сели в красный автомобиль, и наш автор решил, что это и есть миллионеры, а ему спутник его, американец, показал на старикашку в синеньком костюме, который ждал такси. «Это, – говорит, – настоящая акула бизнеса, а те пижоны – мелкие клерки».

Костенко посмеялся вместе с женщиной, – видимо, она очень любила эту историю о скромном миллионере и часто ее рассказывала, – а потом спросил:

– Любовь Трофимовна, а вот на мне какой костюм, можете определить?

– Венгерский. «Венэкс», пятьдесят второй размер, третий

рост.

– В милицию не хотите перейти работать?

– У вас платят мало.

– Старыми сведениями пользуетесь.

Женщина улыбнулась.

– Тогда подумаю, товарищ полковник. Могу еще сказать, что пиджачок вам перешивали – обузили спину и рукава укоротили.

«Поскольку я работаю в ателье, то у меня нет свободного времени для работы на дому. Ничего добавить к этому показанию не могу.

Мастер-закройщик Замирка».

«В последние два года я не работаю дома, поскольку финорганы требуют непомерные налоги. Являюсь мастером-закройщиком ателье высшей категории № 67. Избран членом профкома.

Мастер-закройщик Милютин».

«Я работаю в ателье № 12 и дома заказов не принимаю. Больше добавить мне нечего.

Мастер-закройщик Гринберг».

С закройщиками работали параллельно: Костенко в Москве, подполковник Тимофеев в Ленинграде. Работали

они по одной схеме, утвержденной начальником угрозыска страны.

Угро министерства действовал четко, как отлаженная машина, подчиненная некоему «закону ритма». Дежурные сидели у аппаратов ВЧ на связи с республиками и областями; люди в научно-техническом отделе в пятый и в десятый раз искали хоть малейшую зацепку, наново анализируя все то, что было привезено с мест происшествия; оперативные группы дежурили во всех автомагазинах страны; были блокированы аэродромы и вокзалы; работники архивов подняли старые досье на всех тех, кто когда-либо был связан с автомобильными аферами и мошенничеством. Преступник был обречен, все решало время, ибо ум, воля, опыт десятков и сотен людей были подчинены одной задаче – найти бандита и обезвредить его.

6

– Гражданин Замирка, – сказал Костенко, убирая в папку объяснение закройщика, – теперь мы с вами перейдем ко второй стадии нашего разговора.

– Можем перейти хоть к третьей, товарищ полковник, но от этого существо дела не изменится и я не напишу вам ничего нового. Не могу только не высказать удивления: неужели у вас нет более важных дел, чем проверять доносы соседей по лестничной клетке?

– Пишут? – поинтересовался Костенко.

– По-моему, у вас здесь на меня скопилась «Война и мир» из доносов. – Замирка усмехнулся.

– Надо бы почитать.

– Неужели государству – это я так, в порядке заметок на полях, – будет очень плохо, если мне позволят шить на дому?

– По-моему, нет.

– Я ездил туристом в Венгрию и ГДР; там, между прочим, тоже социализм, и ему не мешают портные, отдающие государству хорошие деньги в налоговые отчисления.

– Вы меня напрасно убеждаете в этом. Я согласен с вами, полностью согласен.

– Вы согласны, но попробуй-таки я шить, как меня сразу же тянут за хобот в ОБХСС и делают каким-то пособником классового врага.

Костенко устало прищурил глаза.

– Ладно. В отправных экономических оценках мы с вами сходимся. Теперь перейдем к шершавому языку юриспруденции. Я хочу просить вас подписаться вот тут. Предупреждение, что вы будете привлечены к уголовной ответственности за дачу ложных показаний по этому делу.

– По какому именно?

– Сейчас отвечу. И здесь, пожалуйста, распишитесь. Спасибо.

– Пожалуйста.

– Так вот. Сейчас я вам предъявлю для опознания фотографию преступника. У него костюм сшит первоклассным мастером. Первоклассным.

– Помилуйте, помимо меня в Москве есть еще двадцать первоклассных мастеров!

– С ними я тоже побеседую. Только сначала позвольте мне закончить, ладно?

– Слушайте, товарищ полковник, зачем вы делаете из людей преступников?! Зачем вы заставляете людей нарушать закон вместо того, чтобы приучать их следовать букве и духу закона? Ну я шью, шью! Я шью дома! Я не напишу этого, естественно! И у вас не будет доказательств. Я шью народным артистам, которым надо отстаивать престиж Союза в Каннах и Венеции! Да, я шью! Я патриот моей Родины, и мне обидно, если наши режиссеры поедут в Канны, одетые как выдвиженцы в пору военного коммунизма! Я хочу,

чтобы они поехали туда, как внуки выдвиженцев военного коммунизма, которые представляют державу Спутника! Да, да, я очень волнуюсь, когда говорю об этом, и не надо мне предлагать воду! Вода тут не поможет! А народные артисты и лучшие режиссеры никогда не предадут несчастного Замирку, для которого так дорог престиж советского художника! Я получаю за это деньги?! Так за престиж всегда платили! Я же не прошу себе государственной премии! Я прошу честной оплаты за честный труд!

– А я ведь с вами опять-таки не спорю, товарищ Замирка.

– Слава богу, из гражданина я снова стал товарищем.

– Посмотрите на это фото.

– Очень похож на Отара Чиладзе. «Отец солдата», помните?

– Помню. Только это не Отар Чиладзе.

– А я и не сказал, что это Отар. Я сказал, что он похож на Отара.

– Этот человек у вас не шил себе костюм? Он убийца и грабитель. Поверьте мне, я не хочу ловить вас, товарищ Замирка. Просто этот парень очень опасный бандит. А у нас мало данных, за которые мы смогли бы зацепиться.

– Товарищ полковник, клянусь вам, я не видел его ни разу в жизни.

– Я верю вам.

– Почему вам мне не верить?! Слушайте, дайте подумать до завтра, и я подскажу, с кем стоит о нем поговорить. Он

шил из своего материала или пришел к мастеру голый?

Костенко вздохнул:

– Милый человек, если б мы знали, с какими материалами он ходит.

Зазвонил телефон. Костенко снял трубку.

– Алло, товарищ полковник, это Тимофеев. У Кешалавы на послезавтра назначена примерка. Он заказал себе два костюма как раз накануне того дня, когда вы приезжали по последнему эпизоду. То есть в день перед ленинградским убийством он пришел к Милютину шить обновки.

Совещание у комиссара, начальника управления МВД Союза ССР, началось сразу же, как только Костенко систематизировал и разложил по числам все полученные за последние часы материалы.

– А если он, пока мы его станем водить, отравит еще одного человека? Вы можете дать гарантию, что этого не случится? – спросил комиссар.

– Могу. Пожалуй, что могу.

– Мне импонирует ваша уверенность, полковник. Но его профессия отлична от вашей. Он людоед. Понимаете? Он спокойно наблюдает за тем, как отравленные им люди медленно умирают, а потом, надев перчатки, спокойно их грабит и не забывает взять со стола бутылку и стакан... Это – хладнокровие людоеда... Допустите на миг, что он ушел от слежки, сел на другой самолет и встретился с очередной своей жертвой. Попробуйте «проиграть» свое состояние, когда он оторвется от наблюдения.

– Попробовал. – Костенко нахмурился.

– Ну и как?

– Его надо брать.

– Я понимаю, что этим усложняем себе задачу, усложняем до предела. Когда вы возьмете Кешалаву, вам предстоит поединок, сложный поединок, и я убежден – вы этот по-

единок выиграете. Во всяком случае, добьетесь, как говорят спортсмены, преимущества и захватите инициативу. А когда вы установите, где теперь так называемый Урушадзе, зачем он скрылся из больницы и почему этот человек воспользовался чужим паспортом, ваша позиция сразу же укрепитя.

– Урушадзе мы сейчас ищем так же тщательно, как и Кешалаву. Я не знаю, кто сейчас для нас важнее.

– С точки зрения профессиональной, – заметил комиссар, – конечно же, Урушадзе. Он есть ваше главное доказательство. Однако с точки зрения ЧП, с которым мы столкнулись, все-таки Кешалава важнее. Не поймите меня так, что я против разработки линии Урушадзе, отнюдь. Просто давайте научимся отделять зерна от плевел – древние в этом смысле были мудрей нас. И прочитайте вот это письмо, – сказал комиссар, – министр просил ознакомить вас с этим письмом. Можете прочитать вслух, пусть все послушают.

«Уважаемый товарищ министр!

Обращается к вам Кикнадзе Мария Илларионовна, вдова убитого в Свердловске Кикнадзе Шоты Ивановича. Товарищ министр, мой муж тридцать лет работал бригадиром в нашем совхозе, прошел войну, был ранен, награжден орденом Красной Звезды. Его все любили в районе. А какой он был отец! Осталось у меня на руках шесть сирот. Младшему – восемь лет... Последние пять лет все наши трудовые сбережения муж откладывал на машину марки «Волга» в экс-

портном исполнении. Все деньги, которые мы скопили, у него украли, и мы остались с детьми без средств к существованию. А преступники до сих пор не найдены. Я каждый день хожу в нашу милицию, но мне говорят, что идет работа. Сколько же будет идти работа?! Один сотрудник сказал, что нечего было за машиной ездить к спекулянтам. А разве бы он поехал в Свердловск, если бы можно было пойти в наш магазин и купить «Волгу»?! Зачем класть тень на покойного?! Он свои деньги заработал честным трудом и к спекулянтам никогда в жизни не обращался, потому что был замечательным и честным человеком. А еще я вас прошу, товарищ министр, пусть нотариус перепишет на меня дом, чтобы его продать, потому что нечем кормить детей, а нотариус говорит, что я войду во владение только через полгода, потому что, может, у него еще какая жена была раньше или есть братья, которые свою долю захотят. Тут такое горе, человек погиб, незабвенный Шота Иванович, а они такое про него говорят. Я-то сама только для того на свете осталась жить без него, что детишек жалко. Товарищ министр, вы скажите тем милиционерам, которые ищут ирода, что Шота Иванович был самым хорошим человеком на земле, таких других и нету. Как он с детишками любил играть! И с дочками играл наравне с сыновьями, никого никогда не обижал. Как кому помочь надо было, так он свое откладывал и к людям шел. Он для людей ничего не жалел, а его убили.

*Остаюсь с уважением к вам
М. И. Кикнадзе».*

8

– Алло, это съемочная группа «Карнавала»?

– Да.

– Кто говорит?

– Васильев, помреж.

– А... Здравствуй, помреж.

– Здравствуйте. Кто это?

– Костенко это.

– Добрый день, полковничек.

– Мне сказали, что Торопова сегодня у вас снимается?

– Верно сказали, ЧК не дремлет.

– Попроси ее позвонить мне.

– Не будет она вам звонить.

– Это почему ж, Мишаня?

– А потому, что она рассказывала, как ее в Сухуми обижали, а милиция ушами хлопала на первом этаже.

– Кто ее обижал, не говорила?

– Говорила. Все говорила. Гаденыш, бандит с драгоценными камнями. Стрелять такую сволочь надо.

– Что ты говоришь?! Значит, бандитов стрелять надо?! Значит, если я его поймаю, ты мне спасибо скажешь?

– Скажу.

– Подонок ты, брат, – сказал Костенко. – Настоящий трусливый подонок.

– А ведь это оскорбление, полковничек.

– Это правда, а не оскорбление. Может, я именно этого бандита искал и тебя просил помочь. Что молчишь? А?

– Хотите, я к вам заеду?

– Зачем?

– Поговорить.

– О чем?

– Я же не знал, что это он.

– А я и сейчас не убежден, что это он. Приезжать ко мне не надо, Васильев. И говорить я с тобой не хочу. Живи себе, помреж. Только Торопову попроси мне позвонить.

Человек, изучивший кодекс

1

Кешалаву взяли в Ленинграде в тот момент, когда он примерял пиджак. Обернувшись, он удивленно спросил сотрудников, предъявивших ему постановление на арест:

– А в чем, собственно, дело, товарищи?

– Вам это объяснят.

Кешалава пожал плечами:

– Можно надеть пиджак или вы повезете меня в рубашке?

– Зачем же в рубашке? В рубашке холодно. Только мы сначала вас обыщем.

– У вас есть на это соответствующее разрешение?

– Вот. Ознакомьтесь.

– Понятно. Пожалуйста, я к вашим услугам.

Кешалава был спокоен, только побледнел, и в уголках его рта залегли решительные, не по годам резкие морщины.

... Через три часа его привезли в Москву.

– Ну, здравствуйте, – сказал Костенко. – Надеюсь, вы понимаете, в связи с чем задержаны, Кешалава?

– Нет, я не понимаю, в связи с чем я арестован.

– И мысли не допускаете, за что вас могли взять?

– И мысли не допускаю.

– Понятно, – задумчиво протянул Костенко и подвинул Кешалаве сигареты. – Курите.

– Я не курю.

– Долго жить будете.

– Надеюсь.

Костенко неторопливо закурил: он ждал, когда Кешалава снова спросит его о причине ареста, но тот молчал, спокойно разглядывая кабинет.

– Вот вам перо и бумага, напишите, пожалуйста, где вы жили и чем занимались последние три месяца.

– Я не буду этого делать до тех пор, пока не узнаю причину моего задержания.

– Вы обвиняетесь в попытке изнасилования, – сказал Костенко и чуть откинулся на спинку стула: он с напряженным вниманием следил за реакцией Кешалавы на предъявленное обвинение. Как правило, человек, совершивший особо крупное преступление, узнав, что его обвиняют в другом, менее серьезном, выдает себя вздохом облегчения, улыбкой, переменной позы, наконец. Однако Кешалава по-прежнему был очень спокоен, и выражение его красивого лица ничуть не изменилось.

– Вот как? Кто же меня в этом обвиняет?

– Вас обвиняет в этом актриса Торопова.

– Простите, но среди моих знакомых Тороповой нет.

– Елена Георгиевна Торопова – не знаете такую?

– Ах, это Леночка? Вы так торжественно произносили фа-

милию, будто речь идет о Софи Лорен.

– Значит, Леночку Торопову вы знаете?

– Да.

– Где вы с ней познакомились?

– В Сухуми, на съемках.

– Вы признаете себя виновным?

– Нет, не признаю.

– Тогда я повторю мою просьбу: напишите мне, как вы проводили последние три месяца, где жили, чем занимались.

– Насколько я мог вас понять, меня обвиняют в попытке изнасилования. Я познакомился с Леночкой в Сухуми неделю назад. Почему вам требуются прошлые три месяца? Я не совсем увязываю обвинение с вашей просьбой.

– Обстоятельства, сопутствовавшие вашему посещению номера Тороповой, таковы, что они, именно они, эти обстоятельства, – медленно говорил Костенко, затягиваясь и делая длинные паузы, – вынуждают меня просить вас об этом. За последние три месяца были зафиксированы серии подобного рода изнасилований. Ясно?

– Каковы эти обстоятельства?

– Ну, знаете ли, у нас получается какой-то непорядок: не я вас допрашиваю, а вы меня, Виктор Васильевич. Если вам не угодно написать о том, где и как вы жили последние три месяца, мне придется задавать конкретные вопросы. Предупреждаю об ответственности за дачу ложных показаний, – сказал Костенко, включая магнитофон. – Вам об этом из-

вестно?

– Читал в романах.

– Следует понимать так, что вы к судебной ответственности не привлекались? – Костенко прищурился.

– Именно так.

– Сегодня у нас пятнадцатое сентября. Меня интересует, где вы находились пятнадцатого июня.

– Я дневников не веду. В июне я жил на море.

– Где именно?

– У меня расшатана нервная система, поэтому я долго нигде не засиживался. Бродил по берегу, забирался в горы. Июнь – месяц теплый, спать можно всюду.

– Значит, вы все эти месяцы ни в гостиницах, ни на частных квартирах не жили?

– Ну почему же? Жил, конечно. И в Сочи жил, и в Очамчири, и в Гагре. В Батуми жил, в Новом Афоне. Получить номер довольно трудно, поэтому точно вам ответить, в каких именно городах я ночевал в гостиницах, не могу, но вы это легко установите, обратившись к администраторам.

– Вот я и хочу это сделать. Только надо, чтобы вы помогли мне. В каких именно городах из перечисленных вами вы останавливались в отелях?

– В Сочи я жил в «Интуристе». В Батуми – тоже. В Гагре я, кажется, ночевал на частных квартирах.

– Адрес не помните?

– Точный не помню, где-то возле рынка.

– В Сочи вы были в июне? Или в июле?

– Что-то в конце июня. Я прошел пешком от Сочи до Сухуми – по берегу.

– Помогало?

– В чем?

– В лечении нервной системы.

– Да. Очень.

– Собирались в этом году продолжить занятия в аспирантуре?

– Почему «собирались»? Я собираюсь это сделать, как только мы кончим рассмотрение предъявленного мне вздорного обвинения.

– Вы убеждены, что врачи позволят вам это сделать?

– Да, я прошел комиссию.

– Когда?

– Неделю назад. Ваши сотрудники отобрали все мои документы – там есть справка врачебной комиссии.

– А что у вас было с нервами?

– Усталость, раздражительность, бессонница.

– Элениум пили?

– Нет, у меня были другие медикаменты.

– Раздражительность прошла?

– Почти.

– Усталость?

– Прошла совсем.

– Сон?

– Наладился.

– Спали под шум волн?

– Именно.

«Оп! – отметил для себя Костенко. – А зачем снотворное в кармане, если сон наладился?»

Костенко просмотрел несколько листков на столе и спросил рассеянно:

– Скажите, а как к вам попали эти самые драгоценные камни? Гранаты?

– Не понимаю вопроса.

– Вы оставили в номере у Тороповой три крупных драгоценных камня.

– Здесь какое-то недоразумение.

– Вы не верите Тороповой?

– Если она говорит, что я оставил у нее камни, то, конечно, я не могу ей верить. Если бы вам это говорили свидетели...

«Парень хорошо изучил кодекс, – снова отметил Костенко. – Гвозди бьет по шляпке».

– Вы к ней в номер входили?

– Да.

– Зачем?

– Чтобы донести ее сумку с костюмом и пальто.

– А что было потом?

– Потом я зашел в отель «Абхазия» к моему тбилисскому знакомому, переночевал у него – было ведь около трех часов

утра – и назавтра уехал в Сочи.

– Поездом?

– Нет, на попутной машине. А оттуда я прилетел в Ленинград.

– А зачем вы приехали в Ленинград?

– Я обязан отвечать на этот вопрос?

– Обязаны.

– В Ленинграде меня консультировал профессор Лебедев, и я решил показаться ему перед тем, как приступить к занятиям.

– Вы помните фамилию вашего знакомого, у которого вы ночевали в «Абхазии»?

– Конечно. Гребенчиков Анатолий Львович.

– Адрес?

– Я не знаю его адреса. Он преподаватель математики в нашем институте.

– В какой клинике работает профессор Лебедев?

– В Военно-медицинской академии.

Костенко снял телефонную трубку и начал звонить в Ленинград и Тбилиси с просьбой проверить показания Кешалавы. Он намеренно это делал сейчас и, наблюдая за арестованным, все более поражался его спокойной уверенности.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Костенко.

– А мне, собственно, нечего продолжать. Если у вас есть вопросы, я готов ответить на них.

Костенко, не торопясь, снова закурил.

– Вопросов у меня много, но вы, я вижу, устали. Отдохните в камере, завтра мы продолжим нашу беседу.

– Я хочу написать письмо прокурору. Вы позволите?

– Да, пожалуйста.

Когда Кешалаву увели, Костенко еще раз прослушал запись допроса и сделал на листке бумаги несколько замечаний:

«1. Зачем нужно снотворное, если сон налачился? Возможный ответ: «Кто страдал бессонницей, тот всегда таскает в кармане снотворное». – «А откуда к вам попало такое сверхсильное средство?» – «В политехническом есть химфак, а там есть друзья». – «Кто?» И тут он, сукин сын, назовет имя.

2. «За последние три недели вы только на одни костюмы истратили семьсот рублей, не считая гостиниц и пятисот рублей в «Эшерах». Откуда деньги?» – «Отец помогает». – «Ложь, мы с отцом говорили». – «И троюродный брат. Такой-то». А там уже все оговорено заранее: версия прикрытия».

Костенко связался с научно-техническим отделом грузинского МВД и попросил внимательно посмотреть все карманы в костюмах Кешалавы, которые висели у того в гардеробе.

Судя по показаниям костюмерши, на Кешалаве при аресте был тот же синий пиджак с двумя шлицами и «рукавами,

вшитыми по американскому раскрою».

Костенко не стал «раздевать» Кешалаву в кабинете: это могло бы насторожить арестованного. Зная, что Кешалаву не судили и никогда раньше аресту не подвергали, он решил «раздеть» его в тюрьме, пригласив понятых, мотивируя это необходимостью проведения судебно-медицинской экспертизы: «Ищем следы крови; насильник избивал женщин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.